

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТРАНСГУМАНИЗМ

А.Г. Арзаматов

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ ИЛИ ЦУГЦВАНГ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика
С.П. Королева (национальный исследовательский университет))

Мировая экономика знает три фазы: 1) традиционная, охватывающая первобытнообщинный (неолит, энеолит) строй, рабовладельческий и феодальный; 2) индустриальная, возникшая с появлением фабричного производства; 3) постиндустриальная, или когнитивная, которая должна прийти на смену индустриальной фазы.

Кризис, переживаемый современной Россией, и не только ей, является ничем иным как системным кризисом индустриальной фазы развития мировой экономики. Возникшая на этом этапе общепланетарная система обмена привела к появлению мировой валюты, плотной коммуникационной сети и потребовала для своего развития свободного, не охваченного метаструктурой производства-потребления пространства. На рубеже XIX-XX вв. такого пространства практически не осталось, что привело к структурному кризису капиталистического общества, формированию государственно-монополистического капитализма и борьбе за передел мира, вылившийся в Первую и Вторую мировые войны. В итоге произошло слияние всех областей в единое планетарное пространство. К началу третьего тысячелетия это пространство было исчерпано.

Проблему эту еще в начале 70-х гг. XX в. осознали ученые Массачусетского технологического института во главе с основателем теории системной динамики Джеймсом Форрестером, опубликовавшим в 1971 г. книгу «Мировая динамика», а в 1972 г. - «Пределы роста». В них была сформулирована стратегическая задача – создание нового рынка ресурсосберегающих и природоохранительных технологий. Емкость рынка оказалась достаточно велика, и его хватило на то, чтобы отсрочить кризис индустриальной экономики на четверть века.

Индустриальная фаза может оперировать только индустриальными, но не семантическими (искусственными знаковыми) смыслами. Но они все уже освоены. Следовательно, индустриальная фаза развития вступила в полосу затяжного системного кризиса. Его проявлением стала глобализация мировой экономики, целью которой было снижение транзакционных издержек во имя вовлечения в индустриальное производство/потребление последних остатков свободного экономического пространства. В свою очередь, глобализм привел к кри-

зису национальных государств и появлению деструктивных движений «антиглобализм», «зеленые», «интегрисы», «международный терроризм»...

Ойкумена разделилась на «золотой» и «черный» миллиарды, и разлом прошел по линии «Север» - «Юг». Противостояние это направлено против глобальной индустриальной системы в целом. Сегодня человечество столкнулось с новым вызовом – информационная революция привела к созданию мира высокой виртуальности и значит это то, что необходимо создать новые организovanности, новые социосистемы, необходим прорыв в когнитивную фазу развития.

В современной России, оказавшейся в остром системном кризисе, мы наблюдаем деструктивные процессы: разрушение средней и высшей школы, повальное увлечение старыми религиозными культурами, рост клерикальных и шариатских настроений, культивирование самых архаичных форм идентичности, противодействие инновациям, агрессивное противопоставление гуманитарных и естественных научных исследований. Все это ведет не к прорыву в постиндустриальное (когнитивное) общество, а к углублению системного кризиса.

Россия сегодня стоит на развилке дорог, подобно тому, как стояла в XV в. Тогда в разгар последней феодальной войны решался вопрос по какому пути пойдет страна: жесткой централизации и крепостного права или по пути близкому к западноевропейскому – развитие рынка и товарно-денежных отношений. Выбор известен. В начале третьего тысячелетия Россия вновь в точке бифуркации: либо страна будет развиваться как сырьевой придаток мировой экономики, либо как высокоинтеллектуальное информационное постиндустриальное общество.

Россия начала XXI в. – типичная сырьевая держава: экспорт нефти, газа, леса, черной и цветной металлургии определяет экономическое и финансовое положение страны и обеспечивает основной объем налогов. Но стратегия, построенная исключительно на продаже сырья ведет к неустойчивости экономики. Падение цен на нефть сразу же вызывает инфляцию и панику у правящей элиты, а вслед за ней и у всего остального населения. Нарушаются нормальные отношения власти и бизнес сообщества. Реформы предлагаемые современной российской элитой, в том числе и особенно в области образования, не способствуют прорыву в когнитивное общество, а направлены лишь на повышение управляемости социума. Рано или поздно, Россия следуя этим путем окажется среди стран-изгоев: Сирия, Иран, Северная Корея, Афганистан, Венесуэла, Бирма и Таджикистан. Сырьевая Россия неизбежно погрузится в экономическую, демографическую, политическую и территориальную деградацию.

Рассмотрим экономическую модель, по которой в России будет создана наряду с добывающей отраслью мощная и альтернативная ей система индустриального производства. Такой тип экономики был в СССР. Но в современных условиях Россия вряд ли сможет конкурировать с КНР в выпуске промышленной продукции.

Остается попытаться создать в нашей стране высокоинтеллектуальное инновационное производство. Это довольно рискованное развитие, которое также приводит к новой точке бифуркации.

Инновационное развитие – общемировой экономической тренд. Но какую роль будет играть и какое место займет в нем Россия?

Если мы будем создавать новую российскую экономику, как один из инновационных модулей мирового хозяйства, то это позволит стране войти в систему мирового разделения труда и получать свою долю мировой ренты, это, в свою очередь, улучшит материальное положение определенной части населения при сохранении сильного социального расслоения и низкого среднего уровня жизни. При этом Россия будет ориентирована на Европу и Америку, с вытекающими отсюда открытыми границами и оттоком «мозгов» за рубеж, вместе с их изобретениями. Российские элиты будут интегрированы в мировую «управляющую корпорацию», да и сама страна будет управляться сетевым способом извне через транснациональные корпорации. В близкой перспективе это приведет к противопоставлению районов с мощной научно-технической базой (Северо-запад, Центрально-промышленный, Поволжье) остальной России. В более длительной перспективе это приведет к утрате страной суверенитета.

Возможна и другая модель развития (по всей видимости именно она и будет реализована) при которой Россия начинает создавать инновации прежде всего в области обороны страны и перевооружении своей армии. Это приведет к неизбежному обострению взаимоотношений с США и Европой. В поисках союзников Россия начинает ориентироваться на Китай, Иран, Бразилию, Венесуэлу, ЮАР. Опять возводится «железный занавес», и ученые, занятые в «оборонке», становятся «не выездными». Запад причисляет Россию к государству, где нарушаются права человека. Российская Федерация фактически возвращается к статусу СССР, но уже в гораздо худших для себя мировых трендах. При такой модели можно надеяться на определенное укрепление рубля, на гарантированный минимум благ для граждан страны при довольно низком уровне жизни и массовом дефиците импортных товаров. В политическом плане мы придем к установлению жесткого центрального управления, жесткой цензуры, усиленной клерикализмом, и подавлению любого инакомыслия. В ближайшей перспективе этот путь чреват новой «холодной» войной со всеми вытекающими из нее последствиями, а в отдаленной перспективе нельзя исключить и прямое военное вторжение.

Итак, мы имеем дело с классическим шахматным цугцвангом: обе инновационные модели развития России при неблагоприятных условиях могут привести к национальной катастрофе. При этом та или иная модель будет выбрана не столько из-за субъективных приоритетов российской правящей элиты, сколько из объективных глобальных мировых процессов.